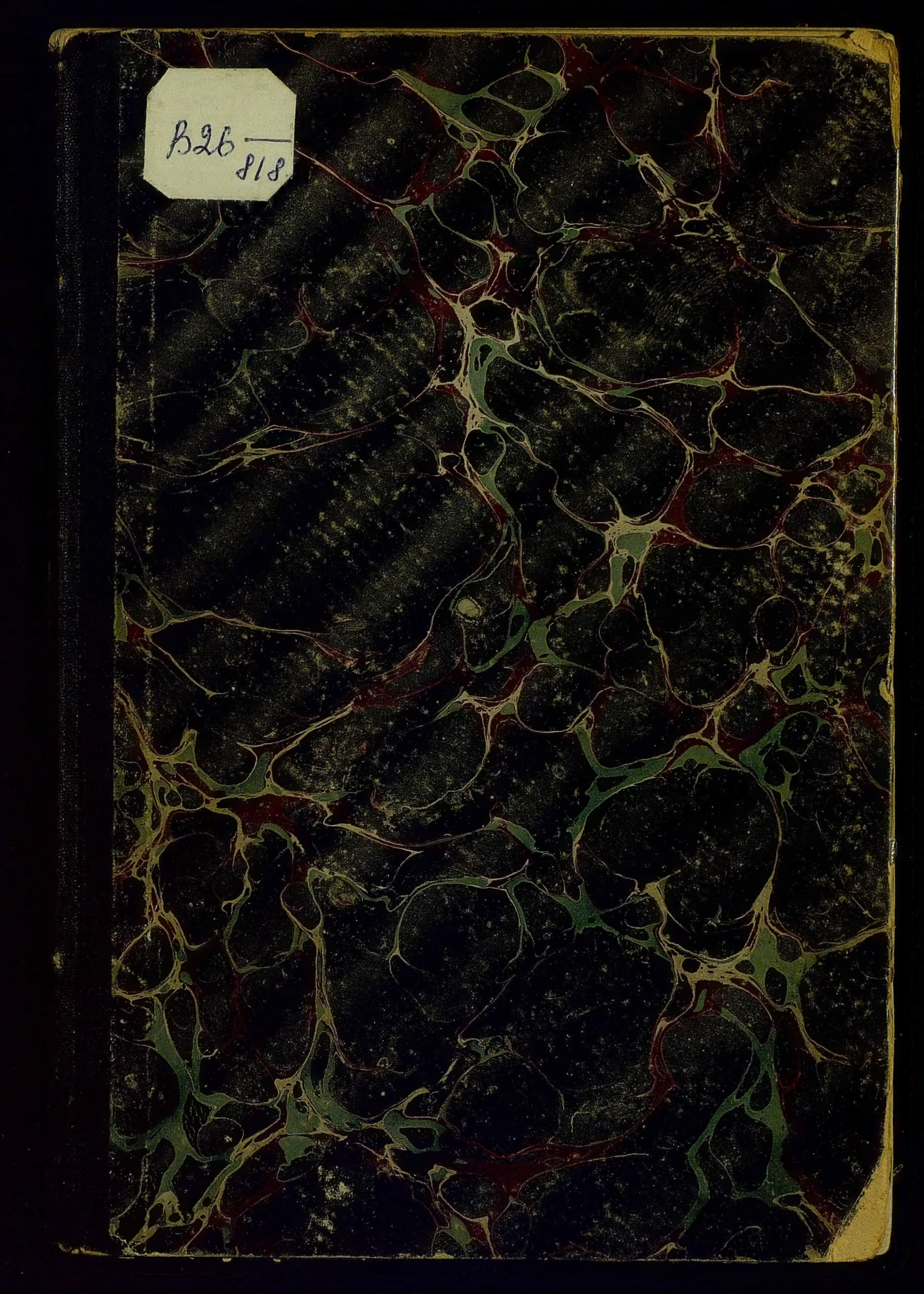

О ВЛІЯНІИ

ПОЭТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

А. С. ПУШКИНА

НА РАЗВИТІЕ

РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

РѢЧЬ,

сказанная на торжественномъ актѣ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

26 мая 1899 года

проф. Е. Ѳ. Карскимъ.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1899.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 18 октября 1899 года.

О вліяніи
ПОЭТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
А. С. Пушкина
на развитіе русскаго литературнаго языка.

Рѣчь, сказанная на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета 26 мая 1899 г.

проф. Е. Ѳ. Карскимъ.

Въ одной изъ своихъ поэмъ Пушкинъ влагаетъ въ уста старика цыгана слѣдующія слова для характеристики римскаго поэта Овидія:

Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный. «Цыганы».

Эти стихи съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены и къ самому Пушкину. Такъ на него смотрѣли выдающіеся его современники, напр. Жуковскій, поставившій ему въ особую заслугу „живую прелесть его стиховъ“, такъ смотрѣлъ на себя и самъ поэтъ, сказавшій въ одной изъ редакцій своего «Памятника»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Въ чемъ же заключалась эта чарующая прелесть стиховъ Пушкина, эти новые звуки для пѣсенъ, этотъ голосъ, подобный шуму водъ? Вѣдь и до Пушкина рус-

ская литература уже могла указать много славныхъ именъ, заявившихъ себя на стихотворномъ поприщѣ, однакоже ни къ одному изъ прежнихъ поэтовъ не могутъ быть примѣнены приведенные отзывы. Лишь относительно Жуковскаго («Къ портрету Жуковскаго») подобнымъ образомъ выражается самъ Пушкинъ, можетъ быть, не безъ нѣкоторой любезности ученика въ отношеніи учителя:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.

Если мы возьмемъ кого-либо изъ самыхъ выдающихся прежнихъ поэтовъ, напр. Державина, и припомнимъ его стихотворенія, то найдемъ, что они отличаются и глубиной мысли и красотой образовъ и грандіозностью поэтическаго размаха, но... чтобы плѣнить нашъ слухъ и доставить намъ истинное душевное наслажденіе, они нуждаются въ переводѣ на современный языкъ. А между тѣмъ Пушкинъ началъ свои первые опыты еще при жизни Державина:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
«Евгеній Онѣгинъ», VIII, II.

Значитъ, „живая прелесть стиховъ“ Пушкина заключается въ ихъ языкѣ. Разсмотрѣніе послѣдняго и составитъ содержаніе того чтенія, которымъ я постараюсь занять ваше благосклонное вниманіе [1]).

---

[1]) Разборъ языка произведеній А. С. Пушкина и оцѣнка его вліянія на развитіе нашего литературнаго языка до сихъ поръ были предметомъ очень немногихъ работъ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно отдѣлываются общими фразами, больше почерпнутыми изъ ст. М. Н. Каткова (ср. Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 2). Лучшей статьей по этому предмету является рѣчь проф. Н. П. Некрасова: „Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка“ („Журналъ Мин. Нар. Пр.“ 1888 г. № 9, а также новое ея изданіе въ книгѣ: „Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ. Изданіе

Языкъ Пушкина есть завершеніе всего предшествовавшаго развитія русскаго литературнаго языка. Однако, выразившись такимъ образомъ, мы сказали бы меньше, чѣмъ слѣдуетъ: Пушкинъ былъ не только завершителемъ, но и создателемъ языка; эту образовательную силу онъ почерпнулъ въ постиженіи духа и средствъ языка.

То, что мы называемъ русскимъ литературнымъ языкомъ, явленіе очень сложное, прошедшее въ своемъ развитіи болѣе девяти столѣтій. Первая письменность на Руси появилась вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Такъ какъ языкомъ богослужебныхъ книгъ былъ языкъ церковно-славянскій, то естественно, что онъ и легъ въ основу русскаго литературнаго языка. Однакоже, какъ ни велика была близость этого языка къ русскому народному того времени, все же многое въ немъ казалось не достаточно понятнымъ для русскихъ; поэтому первые русскіе авторы хотя бы и произведеній религіознаго содержанія, а также переводчики и переписчики разныхъ книгъ, часто незамѣтно для себя, а иногда и преднамѣренно, вносятъ особенности русской живой рѣчи въ литературный языкъ и письмо. Число этихъ послѣднихъ чертъ современемъ увеличивается все больше и больше, впрочемъ не въ такой степени, чтобы совершенно заслонить ц.-славянскую основу. Особенно сильно бросается въ глаза народный элементъ въ произведеніяхъ чисто-свѣтскаго характера—юридическихъ документахъ и нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ извѣстное «Слово о полку Игоревѣ». Къ XIV вѣку на церковно-славянской основѣ уже выработался довольно сильный, съ своеобразными русскими особенностями, литературный языкъ. — Но въ то же время надъ Русью стряслось сильное несчастье, выразившееся въ татарскомъ нашествіи. Видя въ мон-

---

редакціи журнала «Жизнь». С.-Пб. 1899“). Языкъ Пушкина былъ предметомъ также статьи В. Истомина: „Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній А. С. Пушкина“ (Рус. Фил. Вѣстникъ, XXXII, педагогич. отд.).

гольскомъ игѣ кару Божью за грѣхи, лучшіе представители русскаго народа цѣлыми массами устремились въ монастыри; здѣсь среди другихъ аскетическихъ занятій они съ большимъ усердіемъ принялись за чтеніе старинныхъ, больше юго-славянскихъ духовныхъ произведеній и за подражаніе имъ. Слѣдствіемъ этого было то, что литературный языкъ древнерусской письменности былъ оторванъ отъ слишкомъ близкаго общенія съ народной средой и вмѣсто простыхъ оборотовъ народной рѣчи привилъ себѣ пышную византійскую витіеватость, а своимъ формамъ сообщилъ подчасъ ложную архаичность.—Ослабленіе Руси въ эпоху удѣловъ вслѣдствіе междоусобныхъ распрей и особенно татарскаго нашествія, съ одной стороны, а съ другой — выступленіе Литвы на историческое поприще были причиной распаденія русскаго государства на двѣ части: Московскую Русь и Литву. Это обстоятельство также сказалось очень замѣтными послѣдствіями на русскомъ литературномъ языкѣ. Съ этого времени выступаютъ на сцену два литературныхъ языка, которые и употребляются въ письменности обоихъ государствъ параллельно. Стройнѣе развивается литературный языкъ Московской Руси, но и западнорусскій языкъ также довольно успѣшно выполняетъ свою культурную задачу, въ роли двигателя общественныхъ интересовъ. Въ основу послѣдняго языка легло народное бѣлорусское нарѣчіе, но въ него, по наслѣдству отъ общерусской старины, влилась еще стихія ц.-славянская книжная, а, съ другой стороны, при посредствѣ рѣчи образованнаго общества въ Литвѣ, больше выходцевъ изъ Польши, современемъ проникъ сюда языкъ польскій. Съ перенесеніемъ центра образованности Литовской Руси при Петрѣ Могилѣ изъ Вильны въ Кіевъ, западнорусскій литературный языкъ принялъ въ себя еще новый притокъ малорусскаго нарѣчія, бывшій не чуждымъ ему и въ предшествовавшее время. Теперь же, благодаря развитію духовной образованности на западѣ и югѣ Россіи, усиливается и ц.-славянскій элементъ въ литературномъ языкѣ. Этотъ живительный

притокъ, сообщившій ему нѣкоторую новую силу, началъ очищать его отъ польской примѣси и въ то же время сближать съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ усилило общеніе югозападной образованности съ сѣверовосточной; кіевскіе ученые появились въ Москвѣ и конечно не могли не оставить слѣдовъ своего языка и на литературномъ языкѣ московскаго государства. Будучи ревностными поборниками реформы Петра I, они оказали вліяніе и на языкъ новой литературы и науки, введя въ него нѣсколько польскихъ и особенно латинскихъ и нѣмецкихъ словъ.—Иностранныя слова, проникавшія въ русскій литературный языкъ, уже съ первыми переводами книгъ свящ. писанія (съ греческаго), а также съ первыми князьями и ихъ дружиной, при Петрѣ Великомъ, когда Россія лицомъ къ лицу столкнулась съ западнымъ просвѣщеніемъ, полились въ него обильнымъ потокомъ. Тогда стали заимствовать не только необходимыя слова для обозначенія предметовъ, не имѣющихъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ названій, но по примѣру великаго преобразователя начали употреблять иностранныя слова безъ всякаго разбора и нужды. Лучшіе люди того времени не могли не чувствовать неестественнаго состава литературнаго языка, и, по своему умѣнью, старались упорядочить его. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность Ломоносова. Стараясь устранить „дикія и странныя сло́ва нелѣпости“, онъ совѣтовалъ обращаться къ языку ц.-славянскому; но онъ же пытался ограничить и наплывъ славянизмовъ, отведя для нихъ опредѣленное мѣсто. Въ извѣстномъ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» Ломоносовъ дѣлитъ русскую рѣчь на три стиля: высокій, средній и низкій. Ц.-славянскія слова въ той или другой степени онъ помѣщаетъ въ первыхъ двухъ стиляхъ, служащихъ для выраженія болѣе важныхъ матерій. И синтаксису этихъ двухъ стилей, благодаря латино-нѣмецкому расположенію словъ, онъ придалъ искусственную величавость. Но тотъ же Ло-

моносовъ чувствовалъ, что живительнымъ источникомъ, освѣжающимъ всякій обветшалый языкъ, является притокъ чисто народной рѣчи. Только слѣдуя вкусу времени, нѣсколько надменно относившемуся къ простому народу, онъ не рѣшался дать народной рѣчи широкаго распространенія, ограничивъ ее лишь низшимъ стилемъ, который, по Ломоносову, употребляется въ дружескихъ письмахъ, описаніяхъ обыкновенныхъ событій, комедіяхъ, эпиграммахъ и пѣсняхъ. Послѣдовавшіе за Ломоносовымъ писатели старались держаться его указаній относительно употребленія церковно-славянскихъ словъ, только большинство изъ нихъ вмѣсто „осторожнаго введенія славянскихъ словъ“ стало чрезмѣрно обращаться къ нимъ, вслѣдствіе чего рѣчь такихъ писателей оказалась не русскою, а славяно-россійскою, съ перевѣсомъ на сторону церк.-славянскихъ началъ. Даже лучшіе литераторы, отличающіеся эстетическимъ чутьемъ, какъ Фонвизинъ, лишь въ комедіяхъ давали мѣсто народной рѣчи. Развитіе и усиленіе славянизмовъ въ русскомъ литературномъ языкѣ продолжалось до Карамзина. Карамзинъ и его послѣдователи старались сблизить литературную рѣчь съ разговорнымъ языкомъ интеллигентнаго общества, вслѣдствіе чего пришлось значительно ограничить наплывъ ц.-славянскихъ словъ; Карамзинъ, кромѣ того, придумалъ много словъ для перевода иностранныхъ заимствованій, но не обошлось и безъ введенія иноземщины, особенно галлицизмовъ. Послѣдовавшіе затѣмъ писатели, Крыловъ, Грибоѣдовъ, не сочувствуя нѣсколько сентиментальному слогу Карамзина, обогатили литературный языкъ массой чисто народныхъ словъ и оборотовъ.

Въ такомъ состояніи находился русскій литературный языкъ ко времени поэтической дѣятельности А. С. Пушкина. Съ одной стороны, еще шелъ споръ о церк.-славянскихъ элементахъ въ русской литературной рѣчи, съ другой — чувствовалась необходимость сблизить литературный языкъ съ народнымъ. Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли въ надлежащее равновѣсіе всѣ стихіи

литературной рѣчи, сдѣлавъ анахронизмомъ всякій споръ о стилѣ. Какъ истинный поэтъ-художникъ, не только создающій прекрасные образы, но и отливающій ихъ въ изящныя формы, Пушкинъ и на языкъ взглянулъ съ глубоко-эстетической точки зрѣнія. Онъ не допускалъ, какъ это полагали прежде, что тѣ или другія слова и обороты усугубляютъ или уменьшаютъ важность матеріи. Если умъ поэта былъ пораженъ мыслями, открытыми при изученіи предмета или явленія, если чувство его было возбуждено истиною и красотою, тогда и содержаніе, добытое при изслѣдованіи, будучи великимъ, находило для себя соотвѣтственное выраженіе. Поэтъ самъ создавалъ этотъ языкъ, пользуясь всѣми его стихіями, возникшими во все предшествовавшее развитіе. Никто лучше Пушкина не постигалъ его духа и средствъ; поэтъ разгадывалъ, такъ сказать, тайны языка, вполнѣ овладѣвъ его индивидуальностью. Каждое слово въ языкѣ, кромѣ своего общаго значенія, по которому оно совпадаетъ съ тѣми или другими реченіями родственныхъ языковъ, есть еще нѣчто индивидуальное, имѣющее свою исторію и хранящее въ себѣ слѣды разныхъ положеній, въ которыхъ ему случалось находиться. Художественное чувство поэта и руководится этимъ послѣднимъ положеніемъ слова, тѣми мелкими и едва замѣтными сочетаніями, съ которыми оно неминуемо является въ его чуткомъ умѣ. Вслѣдствіе всего сказаннаго, Пушкинъ одинаково пользовался и архаизмами и неологизмами и наслѣдіемъ церковнаго языка и живымъ потокомъ народной рѣчи; не брезгалъ онъ даже словами иностранными, когда находилъ, что всѣ эти стихіи лучше всего и въ возможно пріятной формѣ выражаютъ именно то, что хотѣлъ сказать поэтъ.

Пушкинъ былъ врагъ всякой условности въ языкѣ, всякаго ига теорій, вносящихъ въ его формы утомительное однообразіе. Онъ требовалъ побольше свободы для языка. Такъ въ письмѣ къ Погодину (декабрь 1830 г.) по поводу его драмы «Марѳа Посадница» Пушкинъ писалъ: „Марѳа имѣетъ европейское, высокое достоинство.

Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? и это не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется сообразно съ духомъ его.— И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность". Подъ послѣдней поэтъ, конечно, разумѣлъ „правильность", установленную послѣдователями Ломоносова, строго державшимися его трехъ стилей. Въ самой реформѣ Ломоносова Пушкину нравилось не раздѣленіе рѣчи на стили, а именно допущеніе возможности смѣшенія элементовъ церковно-славянскаго и народнаго. Въ письмѣ къ Бестужеву (отъ 21 марта 1825 г.) Пушкинъ такъ говоритъ про Ломоносова: „Уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга". Что здѣсь выражено довольно неопредѣленно, о томъ въ другомъ мѣстѣ (О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова) сказано уже вполнѣ ясно: „Ломоносовъ... утверждаетъ правила отечественнаго языка, ... открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка". „Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ". Эту свободу языка онъ цѣнилъ съ точки зрѣнія живости и разнообразія, а также художественнаго чутья истинныхъ источниковъ языка, его духа. Поэтому неудивительно, если въ другомъ мѣстѣ тотъ же ломоносовскій языкъ вызвалъ порицаніе поэта за подчиненіе его латино-нѣмецкому синтаксису: „однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ (Ломоносовъ) свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостью; къ счастью, Карамзинъ освободилъ

языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова“ (Мысли на дорогѣ, Ломоносовъ). Тутъ же обращаетъ на себя вниманіе похвала Карамзину за то, что онъ возвратилъ языку свободу. Дальнѣйшее разсужденіе Пушкина, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ черновой тетради, еще яснѣе и рельефнѣе оттѣняетъ необходимость строго слѣдовать художественному чутью при смѣшеніи разныхъ стихій рѣчи; въ противномъ случаѣ рѣчь станетъ надутой, высокопарной: „Его (Ломоносова) вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается въ тощей нашей литературѣ“, говоритъ Пушкинъ. „Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ.... Убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно?“ Такимъ образомъ, допуская разные элементы въ литературномъ языкѣ, Пушкинъ требовалъ осторожности при пользованіи тѣми изъ нихъ, которые не составляютъ, такъ сказать, корня языка.

Посмотримъ, въ какой степени эти теоретическія положенія Пушкина подтверждаются его собственной рѣчью? Начнемъ со стихіи церковнославянской.

Церковно-славянскія слова, изрѣдка формы и выраженія, встрѣчаются больше въ стихотворныхъ произведеніяхъ и при томъ такихъ, которыя отличаются торжественнымъ характеромъ, напр., въ одахъ. Славянизмы чаще въ стихотвореніяхъ болѣе ранняго времени и очень рѣдки въ произведеніяхъ, написанныхъ въ послѣднюю пору поэтической дѣятельности Пушкина. На появленіи ихъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, несомнѣнно отражаются слѣды теоріи трехъ стилей. Впрочемъ даже въ самыхъ начальныхъ произведеніяхъ Пушкина, въ которыхъ онъ подражалъ, напр., Державину, процентъ церковнославянскихъ заимствованій сравнительно невеликъ, и нельзя сказать, чтобы эта стихія была здѣсь неумѣстной, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Приведу при-

мѣры. Въ одѣ «Наполеонъ на Эльбѣ» 1815 года очень обычны, напр., выраженія, въ родѣ слѣдующихъ:

Не выплыветъ ни *утлый* въ море челнъ,
Ни *гладный* звѣрь ни *взвоетъ* надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы *полнъ*...
И троны въ *прахъ низвергну* я громами...
Полнощи царь *младой*, ты *двигнулъ* ополченья...

Въ этомъ же родѣ слова и выраженія въ одѣ «На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 г.», гдѣ читаемъ: брань (война), вотще, вняли, возшумѣвъ, почто, внемли, по стогнамъ, могущая рука, суда окрыленны и т. д. Да что и говорить объ этихъ лицейскихъ произведеніяхъ. Даже въ такихъ болѣе зрѣлыхъ стихотвореніяхъ, какъ ода «Наполеонъ» 1821 г., славянизмы далеко не составляютъ рѣдкости:

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ *полнъ*,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ...
И галлъ *десницей* разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ...
И *дланъ* народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ...

Въ одахъ болѣе поздняго времени ц.-славянскіе элементы также нерѣдки, но здѣсь они уже всѣ вполнѣ на мѣстѣ и не отражаютъ какихъ-либо слѣдовъ извѣстной теоріи. Особенно типичнымъ въ этомъ отношеніи является извѣстное стихотвореніе «Пророкъ» 1826 г.:

Духовной жаждою *томимъ*,
Въ пустынѣ мрачной я *влачился*,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ *зѣницъ* коснулся онъ и т. д.

Или:

И жало *мудрыя* змѣи
Въ *уста* замёршія мои
Вложилъ *десницею* кровавой.

Или тамъ же въ концѣ:

Возстань, пророкъ, и *виждь* и *внемли*...

Въ этомъ небольшомъ стихотвореніи особенно обильно употреблены церковно-славянскія слова и выраженія, и несмотря на это, каждый чувствуетъ истинную прелесть этой оды и полную умѣстность каждаго слова поэта. И чисто народными словами можно бы выразить ту же мысль, но стихотвореніе лишилось бы той торжественности и того обаянія возвышеннаго тона, какими оно отличается въ своемъ теперешнемъ видѣ. Церковно-славянскія слова употреблены такъ кстати, что даже не чувствуется ихъ присутствіе. Да кромѣ того, славянскій элементъ всему стихотворенію придаетъ библейскій характеръ, особый колоритъ времени и обстановки. Въ этомъ отношеніи, кромѣ разсмотрѣннаго произведенія, особенно замѣчательна драма «Борисъ Годуновъ». Здѣсь, между прочимъ, выводится нѣсколько духовныхъ лицъ (монахъ-лѣтописецъ, патріархъ, игуменъ). Въ ихъ рѣчи Пушкинъ съ замѣчательнымъ тактомъ вводитъ ц.-славянскія, а также древнерусскія слова и выраженія. Такъ же говоритъ и царь, обращаясь къ патріарху. Напр.:

Ты, отче патріархъ, вы всѣ бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ...

О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Или Пименъ, обращаясь къ Григорію:

Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился...

Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ, необычайно свѣтелъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка передъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился...

Или патріархъ говоритъ Борису:

. . . . Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ...

. . . . Народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.

Въ произведеніяхъ, изображающихъ болѣе обыденную жизнь, а также передающихъ задушевныя чувства поэта, ц.-славянскіе элементы встрѣчаются рѣже; въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя принадлежатъ къ послѣднему періоду жизни поэта, ихъ почти и совсѣмъ нѣтъ. Такъ, напр., въ извѣстной игривой поэмѣ Пушкина 1817—1820 г. «Русланъ и Людмила» славянизмы, какъ дань прежней стилистикѣ, еще встрѣчаются нерѣдко:

По жиламъ быстрый *огнь* бѣжитъ...
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ *подъятой*, грозною *десницей*...
Онъ узнаетъ *сей* буйный гласъ...
И шумъ на *стогнахъ возстаетъ*...
Пріявъ губительныя мѣры...
Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости *лобзаетъ* руку...

Но если мы возьмемъ, напр., VIII главу «Евгенія Онѣгина», написанную въ томъ же духѣ въ 1830 году, то здѣсь уже трудно встрѣтить какой-либо славянизмъ. А въ прекрасныхъ переложеніяхъ народныхъ сказокъ 1831—1833 года торжество народной рѣчи несомнѣнно, а о славянизмахъ нѣтъ и помину.

Проза Пушкина совершенно свободна отъ ц.-славянской стихіи какъ по лексическому составу, такъ и въ отношеніи расположенія словъ, а тѣмъ болѣе въ формахъ. Нерѣдко встрѣчающееся слово „сей“ славянизмомъ не можетъ быть посчитано, такъ какъ въ томъ или другомъ видѣ (сегодня, по сю сторону, до сихъ поръ) оно употребляется и въ живыхъ народныхъ говорахъ.

Изъ предыдущаго можно видѣть, какъ умѣло пользовался Пушкинъ ц.-славянской стихіей. Однако всѣ симпатіи его были на сторонѣ народнаго языка, какъ живого хранителя русскаго духа. Это видно какъ изъ его теоретическихъ разсужденій, такъ и изъ употребленія. Въ «Критическихъ замѣткахъ», писанныхъ въ 1830 г., разсматривая нападки тогдашнихъ журналистовъ на употребленныя имъ народныя выраженія, Пушкинъ пишетъ: „болѣе всего раздражалъ его (критика) стихъ: Людскую молвь и конскій топъ. «Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? Можно ли такъ коверкать русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно и хлопъ вмѣсто хлопанье) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе: Онъ шипъ пустилъ по-змѣиному (Древн. русс. стихотворенія). На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки: «И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь» (Бова Королевичъ). Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ“. Та же глубокая мысль о необходимости серьезнаго изученія народнаго

языка высказана и въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же критическихъ замѣтокъ: „Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ". Вотъ, гдѣ, значитъ, истинный источникъ языка. Какъ далеко ушло это положеніе отъ взгляда Ломоносова, по которому, знаніемъ церковно-славянскаго языка „умножаемъ довольство россійскаго сло́ва", такъ какъ главное значеніе въ литературномъ языкѣ принадлежитъ ц.-славянской стихіи. Пушкинъ главенство ц.-славянскаго языка допускалъ только при возникновеніи нашего литературнаго языка, а затѣмъ уже эта роль должна отойти къ языку народному: „Судьба его (нашего литературнаго языка) чрезвычайно счастлива. Въ IX в. древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность"; все сказанное до сихъ поръ совершенно въ духѣ извѣстнаго разсужденія Ломоносова; но дальше уже читаемъ совсѣмъ иное: „Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей" (Замѣтка о предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова).

И народныя слова Пушкинъ употреблялъ не случайно, равнымъ образомъ не по указанію какой-либо теоріи, въ родѣ Ломоносовской, а исключительно руководясь врожденнымъ ему чувствомъ красоты и стремленіемъ къ точности и ясности выраженія. Критикамъ «Полтавы» сло-

ва: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора — показались низкими, бурлацкими. Пушкинъ по этому поводу говоритъ: „Никогда не пожертвую краткостію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.“ («Критическія замѣтки»).

Собственныя произведенія Пушкина даютъ немало примѣровъ оживленія литературной рѣчи народнымъ потокомъ. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, *помогу* обѣщалъ. «Борисъ Год.»

Занесъ же вражій духъ меня
На *распроклятую квартеру.* «Гусаръ».

Не мучь его... *авось* мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ.
«Братья разбойники».

Зачѣмъ *вечóръ* такъ рано скрылись.
«Евг. Онѣгинъ».

Стали медвѣжата *промежъ собой играти*...

Поючи и *пляшучи*, жениховъ *поджидаючи*...

Особенно бросается въ глаза народный складъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выводятся лица изъ простого народа. Таково извѣстное мѣсто изъ «Евгенія Онѣгина», гдѣ Татьяна разговариваетъ съ няней:

И, *полно, Таня!* Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы *согнала со свѣта*
Меня *покойница* свекровь.
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
—*Такъ, видно, Богъ велѣлъ.* Мой *Ваня*
Моложе былъ меня, *мой свѣтъ*,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха

Къ моей *роднѣ*, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я *горько плакала со страха*...
И вотъ *ввели въ семью чужую*...
„Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя...

То же видимъ и въ сказкахъ, гдѣ такъ рельефно сказалось умѣнье пользоваться богатырской энергіей и свѣжестью русскаго языка. Вотъ для примѣра начало сказки о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ:

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи и т. д.

А вотъ начало сказки про бурую медвѣдицу (1830 г.):

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу, изъ дремучаго —
Выходила медвѣдиха,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися, и т. д.

При чтеніи сказки про медвѣдицу можно подумать, что это чисто народное произведеніе, а не искусственное. Такимъ образомъ замѣчаніе Пушкина о народныхъ сказкахъ —

Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ —

можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесено и къ его сказкамъ.

Отдавая должную дань языкамъ ц.-славянскому и народному русскому, Пушкинъ, какъ глубокій знатокъ языковыхъ средствъ, ясно видѣлъ, что указанными двумя стихіями литературный языкъ его времени не могъ довольствоваться. Въ его время „ученость, политика и философія еще по-русски не изъяснялись". Проза наша, по Пушкину, была еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ приходилось создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ. „Лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны" (Предисловіе Лемонте). Вслѣдствіе этого по необходимости иногда приходилось обращаться къ словамъ иностраннымъ въ ихъ непосредственномъ видѣ или въ переводѣ. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому (отъ 13 іюля 1825 г.) Пушкинъ говоритъ: „Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться, наподобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т.-е. языка мыслей)". Самое задушевное созданіе Пушкина, извѣстный романъ «Евгеній Онѣгинъ» представляетъ нѣсколько случаевъ, когда нашъ поэтъ не въ состояніи справиться съ иноземщиной. Вотъ онъ описываетъ нарядъ своего героя, но тутъ же заявляетъ, что

. . . панталоны, фракъ, жилетъ —
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо бъ меньше могъ
Иноплеменными словами...

Или, представляя величественный видъ Татьяны, когда, уже будучи замужемъ, она явилась на балу, поэтъ замѣчаетъ:

3

Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut... Шишковъ! прости:
Не знаю, какъ перевести...
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново...

Когда переводъ иностраннаго слова былъ возможенъ, поэтъ давалъ его; одобрялъ онъ и переводы другихъ лицъ, только требовалъ въ этомъ случаѣ точности и красоты. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу (въ «Критическихъ замѣткахъ»): „Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова touchant; хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid—хладномысліе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiete ordinaire. Assiete значитъ —положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: не въ своей тарелкѣ". Пушкинъ больше обращался къ французскому языку, такъ какъ изъ всѣхъ иностранныхъ языковъ съ нимъ онъ ближе всего былъ знакомъ:

Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.

Подобно Онѣгину, онъ „изъяснялся по-французски совершенно и писалъ", свободнѣе даже, нежели на родномъ языкѣ. „Mon ami", читаемъ въ письмѣ его къ Чаадаеву изъ Царскаго Села отъ 6-го іюля 1831 г.: „je vous par-

lerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière, que la notre". Славянскій духъ поэта чувствовалъ больше склонности къ родному, но иноземщины нельзя было избѣгнуть. Вотъ какъ объ этомъ Пушкинъ пишетъ въ альбомѣ Онѣгина:

Сокровища родного слова,—
Замѣтятъ важные умы,—
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
— Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними ль звуками піитъ?

Юношеская любовь поэта къ галлицизмамъ въ зрѣломъ возрастѣ совершенно исчезла. Въ статьѣ, писанной въ послѣдній годъ жизни поэта „О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго рая»" находимъ уже такой вполнѣ безпристрастный отзывъ о французскомъ языкѣ: „Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ переложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?" Еще яснѣе

признаніе достоинствъ нашего языка выражено въ одномъ замѣчаніи Пушкина 1836 г. объ изданіи Академическаго словаря («Россійская академія»): „Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Ороографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго“.

Всѣ приведенныя мѣста ясно показываютъ, какъ Пушкинъ любилъ нашъ языкъ. По словамъ князя Вяземскаго, порицаніе русскаго языка Пушкинъ принималъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное. Какъ отличается это отношеніе къ русскому языку отъ взгляда на него другого замѣчательнаго стилиста, старшаго современника Пушкина, отчасти его учителя на разсматриваемомъ поприщѣ К. Н. Батюшкова! Глубокій знатокъ русскаго языка и его богатствъ, но сильно увлеченный итальянской рѣчью, онъ не чувствовалъ той любви къ своему родному языку, какую развили послѣдующіе писатели и первымъ его геніальный ученикъ. Вотъ какъ, напр., выражается Батюшковъ о русскомъ языкѣ въ одномъ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу: „языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной“; въ другомъ письмѣ къ тому же Гнѣдичу онъ пишетъ: „языкъ нашъ — жестокій языкъ, что ни говори“. Эти очень рѣшительные и далеко не справедливые отзывы о русскомъ языкѣ сильно отличаются отъ раньше приведенныхъ приговоровъ Пушкина; не могутъ быть они сравниваемы даже съ тѣми, которые высказаны Пушкинымъ въ первую пору его поэтической дѣятельности, когда онъ находился еще подъ сильнымъ вліяніемъ своего французскаго воспитанія и недостаточно былъ знакомъ съ истинными богатствами русскаго языка. Вотъ какъ, напр., говоритъ Пушкинъ о русскомъ языкѣ по поводу одного стиха въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» (письмо къ кн. П. А. Вяземскому, ноябрь, 1823 г.): „Я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую би-

блейскую откровенность [1]). Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему болѣе пристали". Послѣднее мѣсто, да и раньше приведенныя очень краснорѣчиво говорятъ также, что любовь Пушкина къ русскому языку не переходила въ пристрастіе.

До сихъ поръ языкъ Пушкина мы разсматривали со стороны лексической, словарной. Какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, у Пушкина нашли себѣ полное примиреніе всѣ стихіи русской рѣчи, воспринятыя ею въ теченіе многовѣковой исторіи: все слилось у Пушкина въ одно стройное цѣлое. Уже ближайшій ученикъ нашего поэта И. С. Тургеневъ могъ съ полнымъ правомъ

---

[1]) Примѣровъ библейской простоты и откровенности у Пушкина немало. Въ «Сказкѣ о царѣ Салтанѣ» находимъ такое мѣсто: царь обращается къ одной изъ трехъ дѣвицъ:

„Здравствуй, красная дѣвица",
Говоритъ онъ: „будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября"...
Царь не долго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался...
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ...
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Подобная откровенность наблюдается даже въ совершенно серьезныхъ стихотвореніяхъ, какъ «Пиръ Петра Великаго» (1835 г.), гдѣ между прочимъ имѣемъ такой стихъ:

Родила ль Екатерина?

По словамъ Тургенева, извѣстный французскій критикъ и писатель Мериме восхищался библейской откровенностью этого стиха, но и пугался ея, считая подобное недостижимымъ для французскаго языка.

сказать о русскомъ литературномъ языкѣ; „Во дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій... ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!“ (Стихотворенія въ прозѣ).

Коснувшись только словарной стороны языка произведеній Пушкина, мы далеко не охарактеризовали бы всего того, что сдѣлалъ великій поэтъ въ отношеніи русскаго литературнаго языка.—Мы выражаемъ свои мысли обыкновенно не отдѣльными словами, а цѣлыми предложеніями, изъ сочетаній которыхъ и состоитъ наша рѣчь. Смотря по настроенію лица говорящаго и пишущаго, по предмету, насчетъ котораго приходится говорить, по таланту автора, рѣчь наша можетъ имѣть двѣ главныя формы выраженія: прозаическую и стихотворную. Пушкинъ въ отношеніи прозы и поэзіи принесъ нашему литературному языку неоцѣнимую услугу. И здѣсь прежде всего сказался мастеръ слова, обратившій все свое вниманіе на сообщеніе выраженію художественнаго изящества при сохраненіи простоты и естественности. Писатели прошлаго столѣтія, даже лучшіе изъ нихъ, не сумѣли выработать ни естественной прозы, ни изящнаго стиха. Вотъ какъ, напр., отзывается Пушкинъ о самомъ выдающемся поэтѣ второй половины XVIII вѣка (письмо къ А. Дельвигу отъ 8 іюня 1825 г.): „По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника“. Правда, старшіе современники Пушкина, отчасти его предшественники, уже явно стремились къ усовершенствованію нашего прозаическаго и стихотворнаго языка. Карамзинъ, напр.,

выставилъ, какъ необходимое требованіе, — писать такъ, какъ говорятъ, и въ этомъ направленіи сдѣлалъ очень много. Особенно заботился онъ о томъ, чтобы проза наша отличалась плавностью и благозвучіемъ, что по-французски тогда обозначали словомъ élégance, а по-русски переводили выраженіемъ „пріятность слога". Батюшковъ, подарившій русской словесности прекрасныя антологическія стихотворенія, особенно поражающія насъ своею пластической формой, а нашу прозу обогатившій нѣкоторыми безукоризненными въ отношеніи стиля очерками, котораго и Пушкинъ называлъ своимъ учителемъ, плѣнявшимъ юнаго поэта „стиховъ и мыслей сладострастьемъ", —также значительно подготовилъ почву для художественной реформы въ языкѣ, произведенной нашимъ поэтомъ. Наконецъ въ отношеніи музыкальности стиха и его разнообразія много сдѣлалъ Жуковскій. Но дѣятельность послѣдняго шла параллельно съ дѣятельностью Пушкина и даже пережила ее; такъ что есть нѣкоторое основаніе полагать, что „плѣнительной сладостью" своихъ стиховъ Жуковскій отчасти обязанъ и прислушиванію къ музѣ побѣдившаго его ученика. Извѣстно, что Жуковскій нерѣдко читалъ Пушкину свои стихи и передѣлывалъ тѣ изъ нихъ, которыхъ юный поэтъ не вспоминалъ въ слѣдующее свиданіе.

Если предшественники Пушкина въ отношеніи стиховъ уже достигли значительныхъ успѣховъ, то въ прозѣ еще оставалось сдѣлать многое. Не даромъ въ альбомѣ Онѣгина поэтъ помѣстилъ такіе стихи:

Увы!... языкъ любви болтливой,
Языкъ невинный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой!
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь риѳмы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ!

О томъ же говоритъ Пушкинъ и въ другомъ мѣстѣ, когда старается оправдать Татьяну, что она писала къ Онѣгину по-французски:

Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Пушкинъ еще ярче выставляетъ недостатки современной ему прозы. Въ замѣткѣ „о причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“ онъ между прочимъ говоритъ: „Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы котораго давно уже извѣстны“. Послѣ всего сказаннаго раньше приведенный приговоръ Пушкина можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ. Но поэтъ былъ правъ, такъ характеризуя современную ему прозу. Неумѣлое стремленіе послѣдователей Карамзина придать прозѣ „пріятность“ выродилось въ лучшихъ рукахъ въ изысканность, а у лицъ менѣе искусныхъ — въ вычурность и приторность, доходящую до слащавости. Какъ истинный художникъ, Пушкинъ замѣтилъ и эту односторонность рѣчи, хотя она и была совершенно противоположна прежней латино-нѣмецкой торжественности нашего стиля. Вполнѣ признавая раціональнымъ положеніе Карамзина, что писать слѣдуетъ, какъ говорятъ, т.-е. что прозаическая рѣчь ничѣмъ не должна отличаться отъ рѣчи разговорной, онъ требовалъ еще отъ нея ясности и точности. А эти качества достигаются лишь тогда, когда рѣчь течетъ просто и естественно. Однако понятія простоты и естественности очень широки и легко переходятъ въ то, что Пушкинъ характеризовалъ словомъ vulgar; но съ послѣднимъ качествомъ рѣчи не мирилась душа поэта-художника, и вотъ онъ

еще требуетъ отъ прозы „опрятности“: „Точность и опрятность — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ“. Не высоко онъ ставилъ тѣхъ писателей, „которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами. Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано поутру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! Развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?“ (Отрывокъ о слогѣ 1822 г.).

Всѣ указанныя требованія отъ прозаической рѣчи вполнѣ оправдываются на произведеніяхъ самого поэта. Прозаическая рѣчь «Пугачевскаго бунта», «Путешествія въ Арзрумъ» и др. сочиненій отличается естественностью и художественной простотой. Это послѣднее качество послѣ Пушкина стало непремѣннымъ условіемъ хорошаго стиля у всѣхъ нашихъ образцовыхъ писателей; внѣшняя же элегантность слога, изысканность въ выраженіяхъ находитъ мѣсто только тогда, когда представлялась необходимость прикрыть словами отсутствіе глубины мысли, а то еще и явно ввести слушателей и читателей потокомъ краснорѣчія въ обманъ.

Принципа сохраненія художественной простоты въ прозѣ Пушкинъ держался и тогда, когда этого рода рѣчью онъ писалъ поэтическія произведенія, какъ «Арапъ Петра Великаго», «Капитанская дочка», «Повѣсти Бѣлкина» и др. Въ этомъ случаѣ иначе смотрѣлъ на дѣло его младшій современникъ и отчасти ученикъ Н. В. Гоголь, сообщавшій свойства стихотворнаго языка нѣкоторымъ мѣстамъ своей поэтической прозы, особенно когда приходилось давать описанія предметовъ (Днѣпра, сада Плюшкина и др.).

Рѣчь стихотворная, по Пушкину, подъ которой онъ разумѣлъ вообще поэтическую рѣчь, совсѣмъ не то, что

проза. Проза отличается естественностью, стихи непремѣнно предполагаютъ искусственность, такъ какъ мѣрной рѣчью никто не говоритъ. Да и по содержанію — проза имѣетъ въ виду только точную передачу мыслей, стихи же, какъ главное орудіе поэтической рѣчи, главною своей цѣлью ставятъ воплощеніе мыслей въ образахъ, съ намѣреніемъ вызвать въ насъ то или другое представленіе о предметѣ, хотя бы онъ и не былъ понятъ нами со стороны его сущности. Понятно поэтому, почему Пушкинъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ такъ рѣзко противополагалъ стихи прозѣ: „блестящія выраженія (въ прозѣ) ни къ чему не служатъ; стихи дѣло другое“ («О слогѣ» 1822 г.). Или припомнимъ извѣстное мѣсто изъ романа «Евгеній Онѣгинъ», гдѣ описывается различіе въ характерахъ двухъ друзей:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Значитъ, стихи—полная противоположность прозѣ. Стихи льются изъ подъ пера, когда поэтъ находится въ состояніи вдохновенія, особаго творчества, когда сильно дѣйствуетъ его воображеніе. Естественное теченіе рѣчи тогда было бы не совсѣмъ умѣстно: для передачи блестящихъ созданій фантазіи, требуется и выдающаяся форма, достигаемая „нежданнымъ стеченіемъ звуковъ и словъ“, смѣлостью выраженія, подчасъ „странностью риѳмы новой“ («Къ моей чернильницѣ», 1821 г.). Изъ перечисленныхъ качествъ для приданія стиху красоты и силы особенное значеніе имѣетъ, такъ называемая, „смѣлость выраженія“. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, относящихся къ 1827 году («О смѣлости выраженій»), Пушкинъ довольно ясно говоритъ объ этой смѣлости. Онъ признаетъ въ поэтическомъ языкѣ двоякую смѣлость выраженій: низшую и высшую; первая состоитъ въ удачномъ употребленіи формъ и словъ, не составлявшихъ до тѣхъ поръ принадлежности литературнаго языка; сюда относят-

ся и подобные же обороты; а вторая состоитъ въ умѣстномъ употребленіи такихъ метафорическихъ выраженій, которыя придаютъ созданнымъ поэтомъ образамъ широкій размахъ, грандіозность. Смѣлыя выраженія того и другого рода встрѣчаются и у предшественниковъ Пушкина, но рѣдко такіе обороты были удачны: лица, употреблявшія ихъ, не всегда отличались достаточно развитымъ эстетическимъ чувствомъ. Эта смѣлость у нихъ часто переходила въ неестественность, въ безвкусіе. Такъ, напр., у Державина въ знаменитой его одѣ «Фелица» 1782 г. между прочимъ читаемъ:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся...

При своей неожиданности и смѣлости, послѣдній стихъ далеко не производитъ пріятнаго впечатлѣнія.

Или тамъ же:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Уже современный Державину критикъ по поводу послѣдняго стиха писалъ: „Уподобленіе поэзіи къ лимонаду оставляетъ въ умѣ нѣкое неудовольствіе найтить сравненіе неожиданное. Оно не только кажется непристойно, но еще и несправедливо“ (Сочин. Державина съ объясн. примѣч. Я. Грота, I, 141). Другое дѣло смѣлыя выраженія этого рода у Пушкина. Припомнимъ, напр., мѣсто изъ «Бориса Годунова»:

Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина.

Послѣдній стихъ совершенно въ народномъ духѣ; подобнаго сравненія въ рѣчи поэтической никогда не бывало, а между тѣмъ, какъ оно здѣсь умѣстно; ни въ комъ оно не вызываетъ непріятнаго чувства. Можно бы указать много другихъ подобныхъ случаевъ, совершенно неожиданныхъ по своей смѣлости. Но превосходство Пушкина въ этомъ отношеніи надъ другими поэтами его времени обрисуется особенно ярко, когда будутъ приведены случаи весьма смѣлыхъ метафорическихъ выраженій, поражающихъ величіемъ своихъ образовъ. Уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ нашего поэта можно отмѣтить примѣры такого рода выраженій. Такъ въ посланіи къ Жуковскому 1818 г. по поводу изданія книжекъ „для немногихъ“ въ первоначальной редакціи были стихи:

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій...

По поводу послѣдняго стиха князь Вяземскій писалъ изъ Варшавы (25 апр. 1818 г.) къ Жуковскому: „Стихи чертенка племянника чудесно хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе — городъ: все отдалъ бы за него движимое и недвижимое... Знаешь ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій. О прочихъ и говорить нечего“. Державинъ, быть можетъ, и не испугался бы подобнаго выраженія, такъ какъ и онъ нерѣдко употреблялъ черезчуръ смѣлыя выраженія, но Державинъ не съумѣлъ бы воспользоваться этимъ выраженіемъ съ такимъ художническимъ тактомъ. Что можетъ быть смѣлѣе державинскихъ стиховъ:

Глотаетъ царства алчна смерть!...

или извѣстнаго изображенія Суворова:

Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тма отъ чела, съ посвиста пыль!

Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ.

Но приведенные стихи чрезвычайно гиперболичны и отзываются вслѣдствіе этого нѣкоторой ложью. Суворовъ, изображенный чертами, какія даже не приписываются сказочнымъ богатырямъ, а развѣ Божеству въ Библіи, уже отрывается отъ дѣйствительности. И у Пушкина можно отмѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайній гиперболизмъ, какой, напр., допускаетъ въ «Скупомъ рыцарѣ» баронъ въ извѣстномъ монологѣ:

Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ...

Но подобная гипербола въ устахъ барона стала вполнѣ умѣстной, когда онъ все началъ представлять въ чрезмѣрномъ видѣ, особенно силу своего богатства:

Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу.

Да и у Державина смѣлыя выраженія далеко не всегда неестественны. Самъ Пушкинъ въ отмѣченной статьѣ («О смѣлости выраженій») приводитъ изъ Державина прекрасное начало его «Водопада»:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми...

Такимъ образомъ художественная смѣлость выраженій

такая же отличительная черта въ стихотворной рѣчи Пушкина, какъ художественная простота въ его прозѣ.

Вотъ еще примѣры подобныхъ выраженій:

О ты, чьей памятью *кровавой*
Міръ долго, долго будетъ *полнъ*,
Пріосѣненъ твоею *славой!*...
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ *ненависть почила*
И *лучъ безсмертія горитъ*... («Наполеонъ»).

И музу призывалъ
На *пиръ воображенья*...
(«Къ моей чернильницѣ»).

Онъ поле *пожиралъ очами*... («Полтава»).

Люблю я *пышное природы увяданье*...
(«Осень»).

. . . . финскій рыболовъ,
Печальный *пасынокъ* природы...
(«Мѣдный Всадникъ»).

Такія художественно-смѣлыя выраженія можно указать у Пушкина для всѣхъ стилистическихъ формъ. Таковы, напр., эпитеты:

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой *блистательный* позоръ.
(«Наполеонъ»).

Нависли *хладные* штыки. («Полтава»).

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты наводишь *унылую* тѣнь,
Одна ты печалишь *ликующій* день! («Туча»).

Не менѣе оригинальны и художественны сравненія Пушкина [1]). Приведу два—три примѣра:

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ,
Она стройна... («Полтава»).

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ. («Полтава»).

. . . . съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ.
(«Борисъ Годуновъ»).

А какъ смѣлы метафоры и другіе тропы у Пушкина:

---

[1]) Очень смѣлое сравненіе, вызвавшее даже въ свое время журнальную перебранку (ср. С. Трубачевъ: Пушкинъ въ русской критикѣ. С.-Пб. 1889, 51—52), представляетъ извѣстное мѣсто изъ «Руслана и Людмилы», гдѣ изображается похищеніе невѣсты карлой:

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спесивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ, коршунъ сѣрый,
И палъ, какъ молнія, на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Въ тьму разсѣлинъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную злодѣй...

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
(«Евгеній Онѣгинъ»).

Ужъ небо осенью дышало... (ib.).

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою... (ib.).

Съ послѣднимъ стихотвореніемъ интересно сопоставить извѣстное державинское описаніе зимы:

Съ бѣлыми Борей волосами и т. д.,

отличающееся чрезмѣрнымъ гиперболизмомъ.

Такова художественная смѣлость выраженія въ стихахъ Пушкина. Нигдѣ нѣтъ ничего вычурнаго, неестественнаго, бьющаго на внѣшность. Изображеніе въ нихъ реально-правдиво, полно жизни, движенія, грацій. Нѣкоторые роды стихотвореній, напр. лирика, по языку своему отличаются даже замѣчательной простотой, приближающей их къ прозѣ. Вспомнимъ, напр., стихотвореніе болѣе поздняго времени (1835 г.), содержащее выраженіе чувствъ поэта, посѣтившаго десять лѣтъ спустя мѣсто своего уединенія:

Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...
А вечеромъ, при завываньѣ бури,

Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро . . . . . и т. д.

Вполнѣ правъ былъ Гоголь, слѣдующими словами охарактеризовавшій лирику Пушкина со стороны ея внѣшней формы: „Въ лирикѣ Пушкина нѣтъ краснорѣчія, а есть одна поэзія; никакого наружнаго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ". Къ Пушкину поэтому съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены стихи, какими онъ характеризуетъ Ленскаго:

Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

Всѣ разсмотрѣнныя качества поэтической рѣчи Пушкина сообщаютъ стиху его пріятность, простоту и естественность. Какъ и самое чувство поэта изливалось просто, естественно и свободно, таково было и внѣшнее его выраженіе. Его летучій стихъ мгновенно схватывалъ самыя живыя черты въ предметѣ, умѣлъ оттѣнить всякое даже мимолетное чувство.

Владѣя стихомъ совершенно свободно, Пушкинъ безразлично относился къ разнымъ его размѣрамъ. Чаще всего онъ обращался къ четырехстопному ямбу, но это не мѣшало поэту-художнику выражать въ немъ самыя различныя мысли и чувства. Въ одахъ, напр., у него употребляются важные ямбы, но они же и въ разныхъ игривыхъ стихотвореніяхъ. Онъ умѣлъ цѣнить достоинства каждой стихотворной формы и умѣло приспособляться къ ней: вездѣ онъ чувствовалъ себя одинаково ловко. Онъ пишетъ («Домикъ въ Коломнѣ»):

Четырехстопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь риѳмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

Также легко онъ писалъ и пѣсеннымъ хореемъ, и звучно-мелодичнымъ амфибрахіемъ, и „извилистымъ, проворнымъ, длиннымъ и съ жаломъ даже, точно змѣя, стихомъ александрійскимъ“. Лишь про гексаметръ Пушкинъ говоритъ:

. . . . О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь.

Но и на гексаметръ онъ даетъ истинно-классическіе образцы. Вотъ примѣръ «На переводъ Иліады»:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Въ отношеніи построенія стиховъ Пушкинъ достигъ поразительной высоты и совершенства — того, что Бѣлинскій называетъ „музыкой и живописью въ поэзіи“. Вотъ какъ напр., онъ выражается по поводу извѣстнаго стихотворенія «Испанскій романсъ»: „Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?... Что это: поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина горитъ звуками, звуки образуютъ картину, слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?“.

Риѳмы, какъ поэтъ и самъ сознавалъ, жили съ нимъ запросто. Въ стихотвореніи «Къ моей чернильницѣ» онъ пишетъ:

Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль.

Но не всегда поэтъ прибѣгалъ къ риѳмѣ. Стремясь придать своему языку, даже поэтическому, побольше простоты, онъ въ послѣднее время все чаще и чаще обращается къ бѣлымъ, нериѳмованнымъ стихамъ. Къ этому побуждали его и нѣкоторыя чисто художническія соображенія. Такъ лишь въ крайности онъ допускалъ наглагольную риѳму:

Вы знаете, что риѳмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу...
(«Домикъ въ Коломнѣ») —

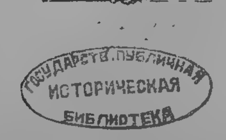
потому, что вслѣдствіе своей легкости эта риѳма ужъ очень дешева и потому безсодержательна, такъ какъ захватываетъ лишь служебную часть слова—окончаніе. Риѳмы не наглагольныя не слишкомъ разнообразны въ русскомъ языкѣ. „Думаю", говоритъ Пушкинъ («Мысли на дорогѣ»), „что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую". Охлажденіе къ риѳмѣ у Пушкина замѣчается со времени его пребыванія въ с. Михайловскомъ. Въ VI главѣ «Евгенія Онѣгина», написанной въ 1821 г., читаемъ:

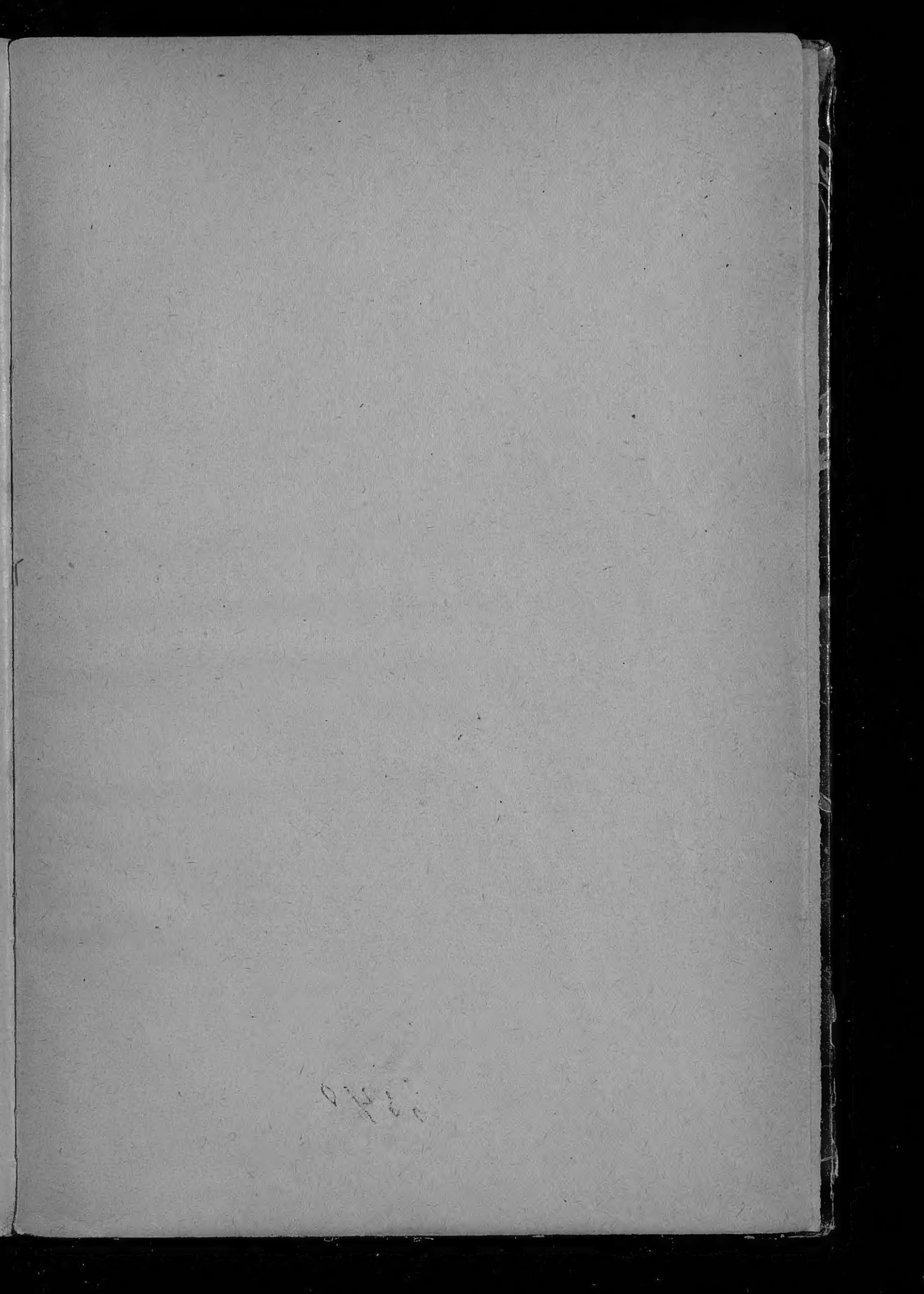
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риѳму гонятъ,

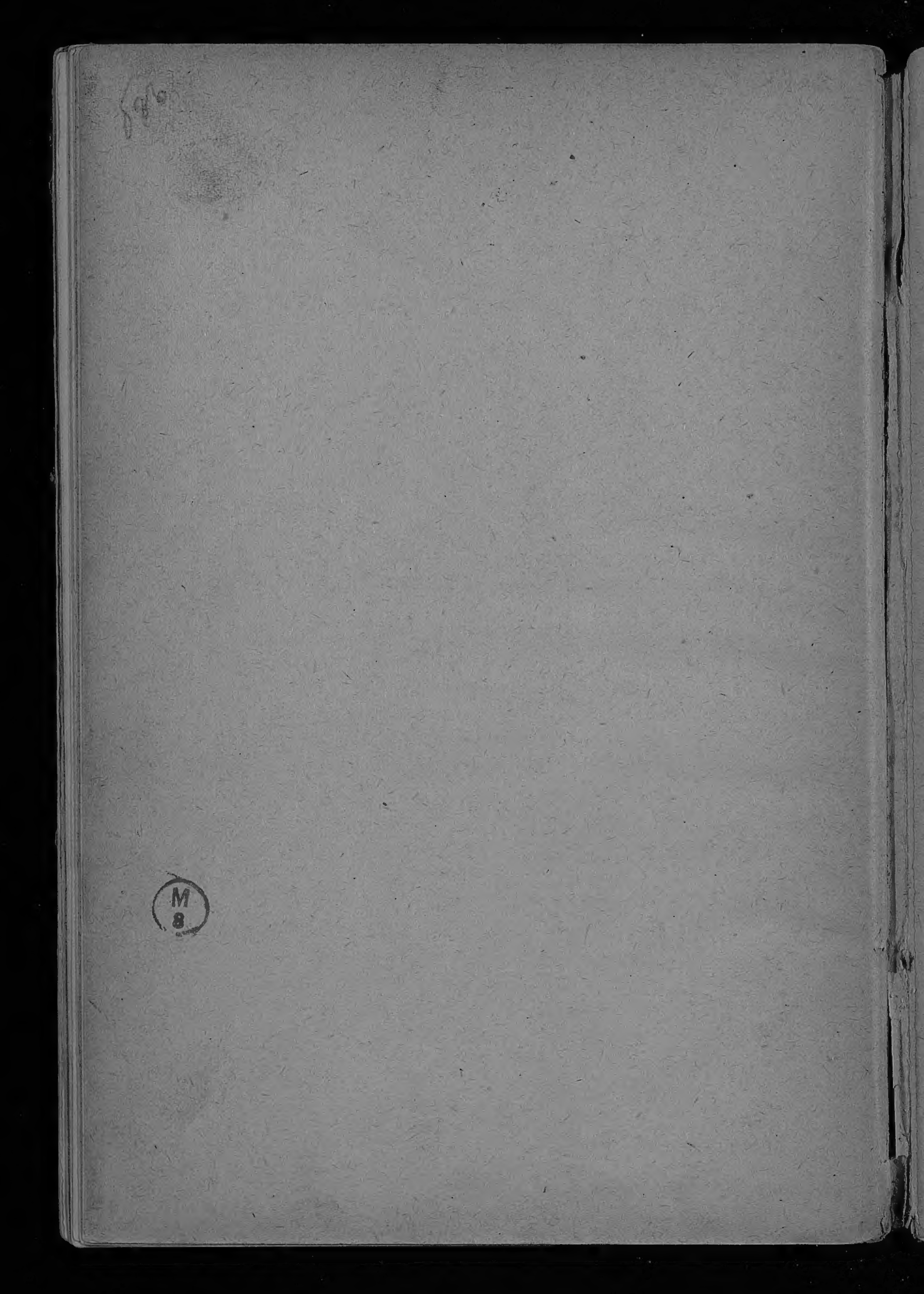
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.

Таковы заслуги А. С. Пушкина въ отношеніи развитія нашего литературнаго языка. Тѣ стихіи этого языка, которыя уже совершенно ясно опредѣлилъ Ломоносовъ, онъ привелъ въ гармоническое соотношеніе; далъ блестящіе образцы прозы и поэзіи во всѣхъ ихъ родахъ и видахъ, вслѣдствіе чего русскій языкъ получилъ возможность выступить во всемъ своемъ величіи. Невольно припоминается здѣсь извѣстное мѣсто изъ посвященія грамматики Ломоносова Павлу Петровичу: „Карлъ V, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятельми, италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность италіанскаго, сверьхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. Къ такому заключенію о силѣ русскаго литературнаго языка Ломоносовъ пришелъ больше теоретически; послѣдующіе поэты и писатели старались подтвердить это и на практикѣ, но лишь Пушкинъ вполнѣ доказалъ справедливость приведенныхъ словъ; къ сказанному онъ могъ бы еще прибавить необычайную гармоничность и граціозность русскаго стиха. Пушкинъ вполнѣ былъ правъ, когда сказалъ о себѣ («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» 1824 г.):

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчи тихоструйной.

M
8

